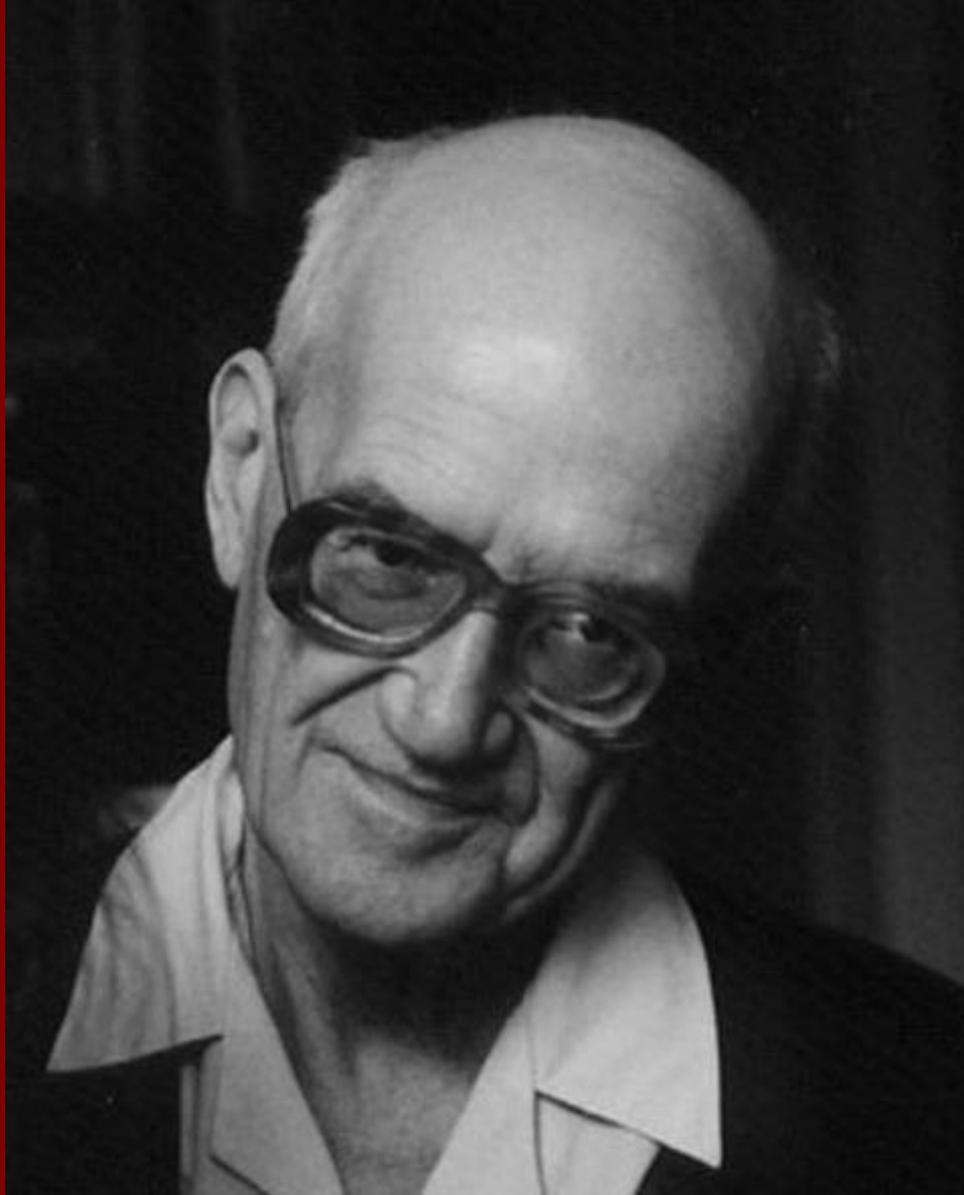

ШКОЛА

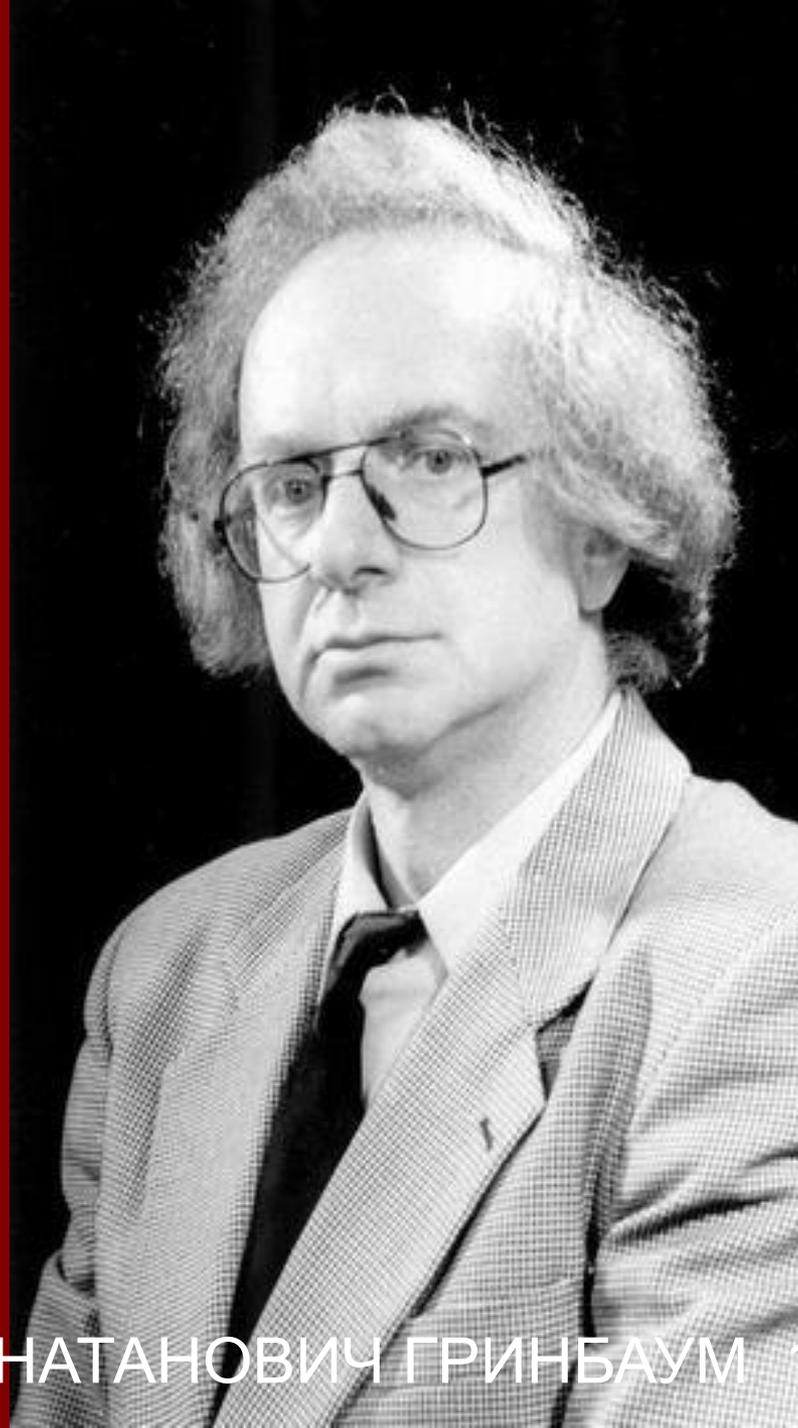
СОНЕТА

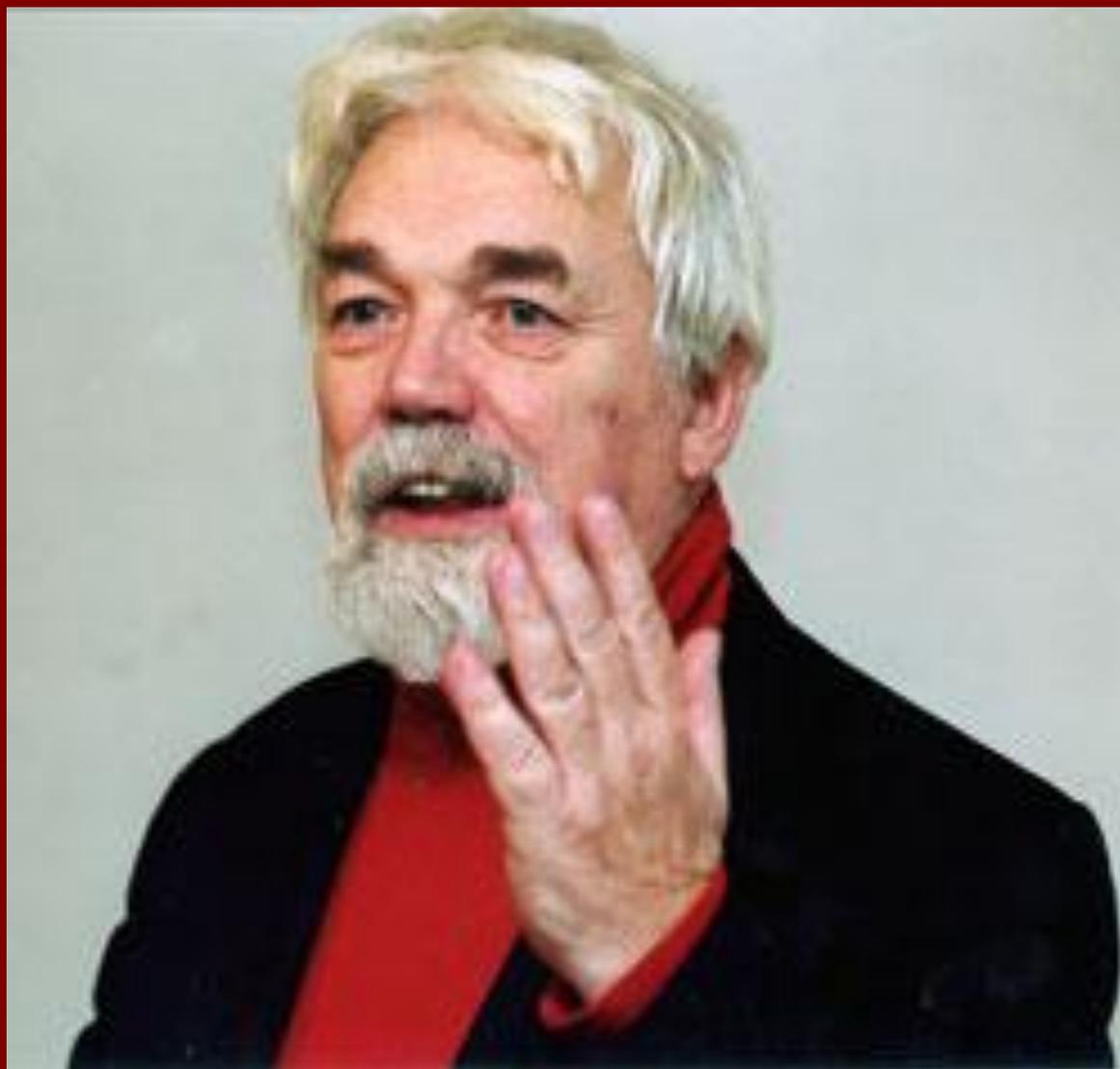
КИРИЛЛ ДМИТРИЕВИЧ
ВИШНЕВСКИЙ 1929-2014

МИХАИЛ ЛЕОНОВИЧ ГАСПАРОВ 1935-2005

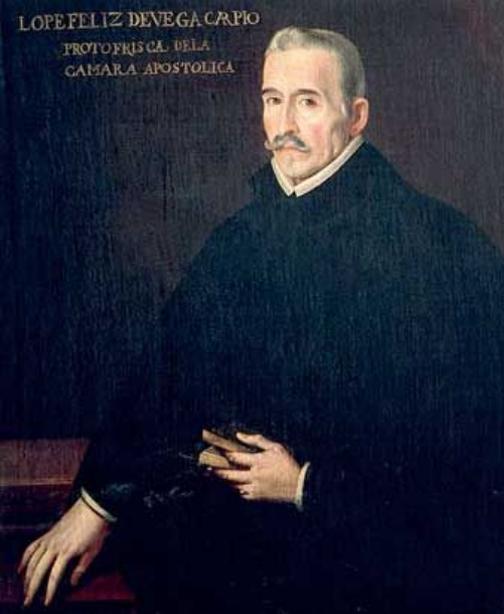
ОЛЕГ НАТАНОВИЧ ГРИНБАУМ 1950-2015

ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ ФОНЯКОВ 1935-2011

РОСТИСЛАВ БОРИСОВИЧ ЕВДОКИМОВ-ВОГАК
1950-2011

СОНЕТЫ О СОНЕТАХ

Метапоэтический дискурс сонета о сонетах нередко вступает во взаимодействие с шутливыми сюжетами мадригального толка. Например: сонет Лопе де Вега в вольном переложении В.А. Жуковского (1806):

За нежный поцелуй ты требуешь сонета,
Но шутка ль быть творцом четырнадцати строк
На две лишь четки рифм? Скажи сама, Лилета:
«А разве поцелуй безделка?» Дай мне срок!
Четыре есть стиха, осталось три куплета,
О Феб! о добрый Феб! не будь ко мне жесток,
Хотя немножечко парнасского мне света!
Ещё строфа! смелей! уж берег недалек!
Но вот уж и устал! О, муки, о, досада!
Здесь Лила – поцелуй! тут рифма – и надсада!
Как быть! Но бог помог! еще готов терцет!
Еще б один – и все! пишу! хоть до упада!
Вот!.. вот!.. почти совсем!.. О, радость, о, награда!
Мой, Лила, поцелуй, и вот тебе сонет!

Чуть позже аналогичный сонет был написан Августом Шлегелем «Вяжу одною цепью два катрена...». На русской почве ИИ Дмитриев «Однажды дома я весь вечер просидел...»

За нежный поцелуй ты требуешь сонета...

В. Жуковский

Как некогда потребовала Лила
В обмен на нежный поцелуй — сонет,
Так и моя сказала Маша: «Нет!»
И девы той желанье повторила.

Напрасно говорил я ей: «Мой свет,
Капризами меня ты истомила,
Я напишу беспламенно, уныло
Не то что романтический поэт».

Но спорить как с девицей своенравной?
Изволь влагать пустую болтовню
В сонетный ямб, торжественный и славный.

Кончаю труд. Хоть мало в нем огню,
Недостает и прелести, и яда,
Но все ж моя приятная награда!

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Чтоб как-то структурировать любовь,
избрал я форму строгую сонета.
Катрена два и следом два терцета.
abba. Поэтому морковь

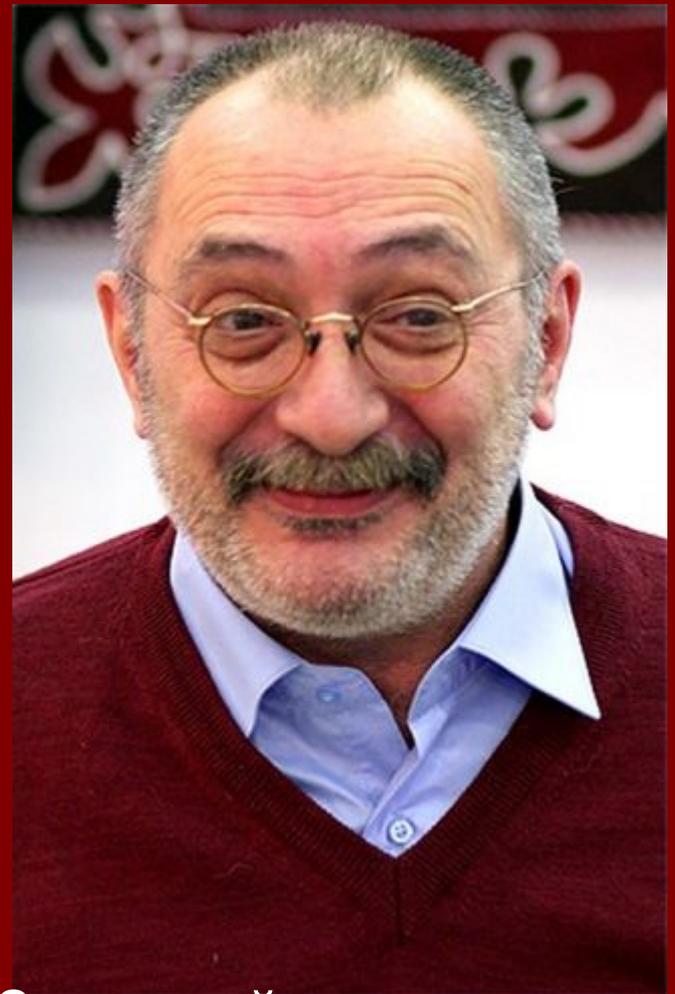
Я тру тебе опять. Не прекословь! –
как Брюсов бы сказал. Морковка эта
полезнее котлеты и конфеты.
abba. И вот уже свекровь

какая-то (твоя, наверно) прется
в злосчастный стих. ccdc. Бороться
нет сил уж боле. Зря суровый Дант

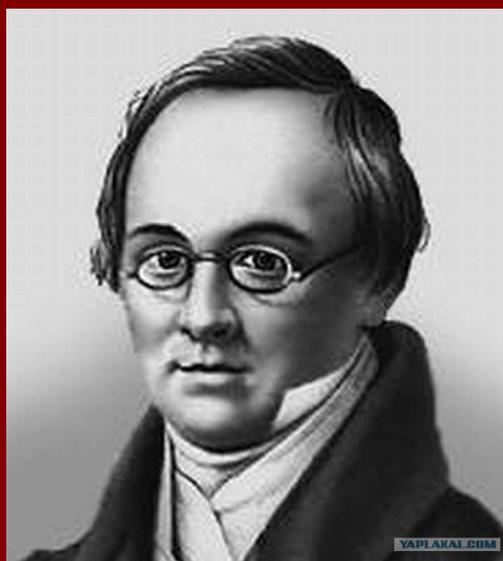
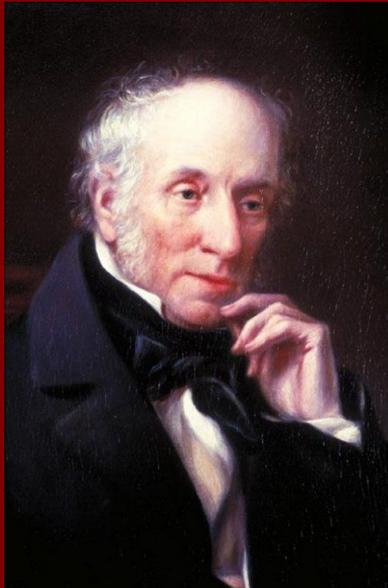
не презирал сонета. Остается
dd, Сашура. Фант? Сервант? Сержант?
А может, бант? Нет, лучше бриллиант.

Из цикла «20 сонетов для Саши Запоевой»

ТИМУР КИБИРОВ

Сонеты о сонетистах. Застрельщиками этой традиции были на Западе У. Вордсворт («Scorn not the Sonnet, Critic...», 1827) и переложивший его сонет о сонете О. Сент-Бёв («Ne ris point des sonnets, o critique moqueur!..»), в России же – А. Дельвиг («Н.М. Языкову», 1822) и А. Пушкин («Суровый Дант не презирал сонета...», 1830).

Сонет

Scorn not the sonnet, critic

Суровый Дант не презирал сонета; *Wordsworth*

В нем жар любви Петрарка изливал;
Его игру любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облакал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно воплощал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

У нас его еще не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гексаметра священные напевы.

(1830)

Особенно преуспели в данной жанровой модификации стихотворцы, сочетавшие поэтов и стиховедов в одном лице: Леонид Гроссман, Всеволод Рождественский и Константин Герасимов. Первому принадлежат два цикла сонетов о сонетах: «Плеяды» и «На полях Пушкина», 1919-1922. Особо выделяется программное стихотворение «Русский сонет» с эпиграфом

«Суровый Дант не презирал сонета...»:

Раскрыл нам Дельвиг таинство сонета,
Чей трудный шифр был Тредьяковским дан,
И принял Пушкин кованный чекан
Для строгих дум о подвиге поэта.

С тех пор игра квадранта и терцета
Манит певцов Гиперборейских стран.
И стих Ронсара вьется, как аркан,
У Каролины Павловой и Фета.

Его размерам царственность придав,
Венок сплетает пышный Вячеслав
Строфой, чей лад торжественно роскошен.

Бальмонт и Брюсов чтут канон его,
И хищный облик тезки своего
Обводит им Максимильян Волошин.

Второй в своих петербургских сонетах сопоставляет серебряный век с золотым, протягивает невидимую, но прочную нить преемственности, изящными штрихами активизирует многослойную ауру образных ассоциаций («Гатчинский сонет», «Царское Село», IV). Третий вдохновенно завершает почин своих предшественников:

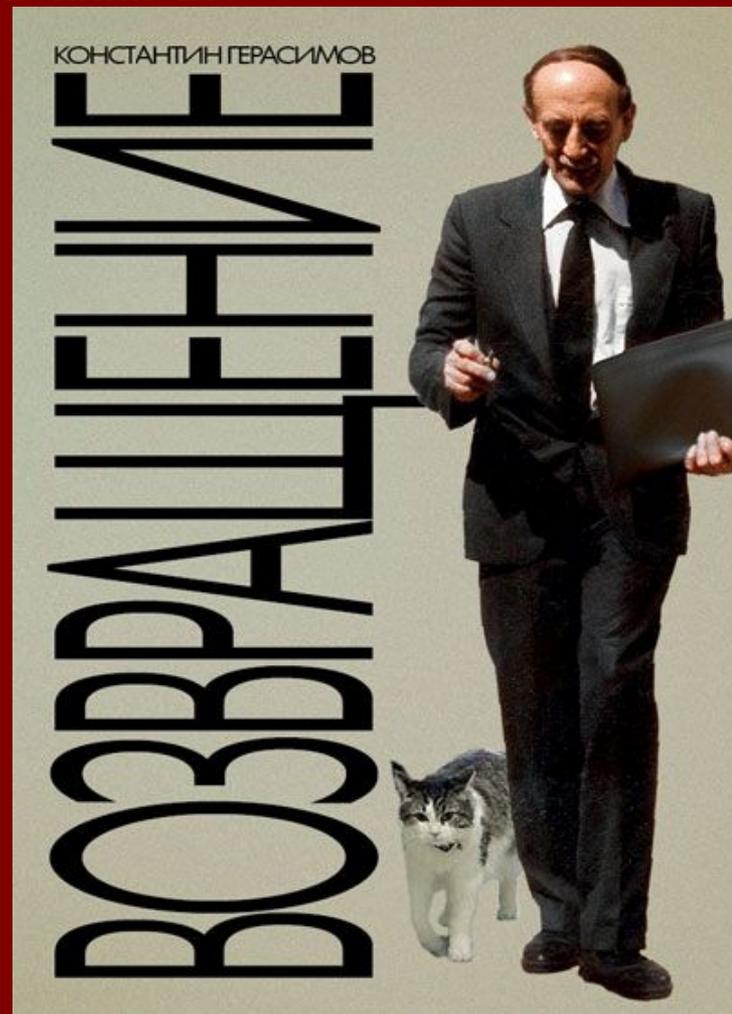
* * *

"Суровый Дант не презирал сонета",
В нем Пушкин вдохновенье обретал...
И сквозь его магический кристалл
Такие дали виделись поэтам!

Как же не помнить и теперь об этом?
Как драгоценный зазвучать металл
Строк не заставить, чтобы Словом стал
Веков вовеки он, и стал бы – Светом?

Что ж. Таинство Творения – одно!
И будет без него мертва музыка
Разъятая, как труп; беззвездным – дно

Тьмы одинокой, безысходной, дикой;
Поэзии – не будет! Не зови
Ее, не причастившейся – любви.

С одной стороны, открываются перспективы изучения сонетов о сонетологах. Ограничусь пока одной иллюстрацией, а именно сонетом Владимира Саришвили, в котором он Воздаёт дань памяти своему учителю:

ЭПИЛОГ

ПАМЯТИ К.С. ГЕРАСИМОВА

Аристократ ямбических кровей,
Князь дактиля, анапеста владетель,
Печальный продолжатель и радетель
Династии сонетных королей.
Повержен амфибрахий и хорей.
Их победитель – их же благодетель,
А ветер пусть срывает дверь с петель
Мэтр недоступен буйству декаблей.
Нет, здесь не башня из слоновой кости,
Сюда идут поклонники и гости,
Плывут друзья из-за семи морей.
Здесь места нет невеждам и тупицам,
Здесь царство книг. И вечным датским принцем
Остался он в империи своей.

С другой стороны, в связи с триумфальным шествием венков сонетов, феноменом Юрия Линника, написавшего и прокомментировавшего немислимое количество высококлассных венков, выпустившего в конце прошлого года книгу «ΣΤ´ΕΦΑΝΟΣ», обобщающую его творческие озарения и теоретические рефлексии, думается, настала пора для изучения венков сонетов о венках сонетов, тем более, что первый славянский венок Франце Прешерна и его адаптация на русской почве Федора Корша, с этого, собственно, и начали...